

Майк Гелприн

Одна шестьсот двадцать седьмая процента

*Часть сборника
Миротворец 45-го калибра
(сборник)*

Майк Гелприн

**Одна шестьсот двадцать
седьмая процента**

«Демина Людмила Дмитриевна»

2009

Гелприн М.

Одна шестьсот двадцать седьмая процента / М. Гелприн — «Демина Людмила Дмитриевна», 2009

«Прищулив и без того узкие недобрые глаза, Китаец тщательно перетасовал колоду. Завершил тасовку заливчатской врезкой и размашистым полукругом двинул колоду по столу Гнилому – поднять. Продемонстрировав фиксатый, траченный кариесом оскал, Гнилой выполнил съем, по-жигански чиркнул спичкой о ноготь, поднес прикурить Ершу и прикурил сам...»

© Гелприн М., 2009

© Демина Людмила Дмитриевна, 2009

Майк Гелприн

Одна шестьсот двадцать седьмая процента

Прищурив и без того узкие недобрые глаза, Китаец тщательно перетасовал колоду. Завершил тасовку заливчатской врезкой и размашистым полукругом двинул колоду по столу Гнилому – поднять. Продемонстрировав фиксатый, траченный кариесом оскал, Гнилой выполнил сьем, по-жигански чиркнул спичкой о ноготь, поднес прикурить Ершу и прикурив сам.

Морщась от смрадного дыма дешевого босяцкого курева, Китаец раздал. Игра шла уже третий час, и пока ни одному из троих не удалось ни ухватить за горло шалавую девку Фортуну, ни закентоваться с ее родным братцем – пижонистым мальчиком Фартом.

– Прошелся. – Ерш небрежно бросил в центр стола выдавшую виды купюру.

– Дал и я, – поддержал Гнилой, уравнив ставку. – По лобовой хожу, по тузу.

– Кайся, грешник, туз в лобешник, – усмехнулся Китаец. Прикрыв свои карты ладонью, он уколол их взглядом из-под блатного прищура. Побарабанил пальцами по столу, изображая нерешительность, и сказал: – Десять в гору, господа фраера.

Китаец отсчитал десяток купюр из лежащей перед ним стопки и вальяжно бросил их в банк.

– Замерил, – без раздумий уравнил ставку Ерш.

Теперь настала очередь Гнилого. Мусоля в губах наполовину скуренную сигарету, он изучил свои карты, покивал нечесаной башкой и сказал:

– Десять и сто по рогам.

– Зарыл, – сдался Китаец, бросив карты в колоду. – Сражайтесь, пацаны, наша не пляшет.

– Сто, и тебе... – Ерш замялся, затем решительно сгреб лежащие перед ним деньги и, не считая, двинул в банк. – И тебе всю мебель.

– Всю мебель, говоришь? – Гнилой подарил партнеру тусклый взгляд невыразительных, вечно слезящихся от трахомы глаз. – А если я оберну?

– Не пугай – пуганый, – жестко проговорил Ерш. – Лавэ есть? Оборачивай.

– Лавэ? – Гнилой жадно затянулся и выпустил дым через нос. – Лавэ-то есть. – Он достал из внутреннего кармана засаленного пиджака внушительную пачку долларов. – Зеленые, – констатировал Гнилой. – Здесь двадцать кусков. Потянешь?

– Ни себе хрена, – присвистнул Китаец. – Ни хрена себе заварили секу.

– Сека губит человека, – согласился Гнилой. – Так потянешь?

Ерш вновь проверил пришедшую комбинацию.

– Проиграю – должен буду, – угрюмо сказал он. – Ставь.

– В долг здесь не катают. – Гнилой заплевал окурком и бросил его на пол. – Если засадишь, ответить придется.

– Как ответить?

– Как положено – отработаешь. – Гнилой повернулся к Китайцу. – Прав я?

– Прав, – подтвердил тот. – Просадишь – отработать придется. Дело тебе найдем.

– Ну?! – насмешливо спросил Гнилой. – Годидзе?

– Пошло, – выдохнул Ерш. – Ставь бабки на кон.

* * *

Не люблю я ночные смены. Впрочем, кто их любит, разве что стажеры, но у них эта нелюбовь еще впереди...

– Здравствуйте, Олег Саныч, – не дала додумать Галка. – Что-то вы сегодня, мне кажется, немножко помятый. Не выпались? А может быть, – Галка сделала страшные глаза, – вам кто-нибудь мешал спать? Точнее, мешала?

Ох уж эти стажеры. Тот факт, что большинство сотрудников «Ангехрана» ни с кем не спит, от них скрывают. Вернее, не то что скрывают, а, скажем так, замалчивают. Рано или поздно стажеры станут сотрудниками. Не все, конечно, и даже не половина. Меньшая часть. И совершенно ни к чему делать эту часть еще меньше, запугивая молодняк слухами о, прямо скажем, скудной, а то и вообще никакой интимной жизни будущего ангехранца.

– Кофе сотвори, – попросил я и, обогнув Галку, двинулся в диспетчерскую. Семен, мой сменщик, едва сдерживая зевок, пожал мне руку.

– Ну как? Красные в городе? – отпустил я дежурную шутку.

Красным светились точки на экране монитора, отображающего карту района. Светились лишь в том случае, если индикатор клиента диагностировал критическое состояние – то, в котором тот становился опасным для окружающих. В тот момент, когда желтая точка краснела, и начиналась наша работа. С желтым мы не боролись. Он означал, что клиент готов покраснеть, но лишь потенциально, а значит, не наверняка. Ну а специфика наших подопечных такова, что, когда желтый цвет менялся на нейтральный зеленый, куратор лишь пожимал плечами в недоумении. Адекватное состояние клиентам «Ангехрана» было, мягко говоря, несвойственно.

– Все как обычно, – устало сказал Семен. – Среднестатистически. Восемь покраснений за день. Одно серьезное, остальные так, чепуха.

– Что за серьезное? – лениво поинтересовался я.

– Да Баран ширнулся и вылез поутру из притона. С пером.

– Баран, Баран... – принялся вспоминать я. – Это такой рыжий верзила, отмотавший червонец за вооруженное ограбление?

– Да нет. То Козел. – У Семена была феноменальная память. – Он же Козлов Иван Николаевич. А Баран – педофил, развратник, пятнашку строгого мотал.

– Вспомнил, – сказал я. – Давно не слышно было сволочуги. Выполз, значит, на свет божий. И что?

– Да ничего. Все линии сходились на том, что встретит он нынче ночью малолетку. Пока альтернативную линию в третьем слое отыскал, пришлось попрыгать. Так что Баран сейчас зеленый, как молодой салат.

Я кивнул. Зеленый означало, что Баран нарвался. Неважно на что. Отыскал ему Сеня линию, приведшую к упавшему на голову кирпичу или к отметелившей Барана в подворотне хулиганской кодле, мне было безразлично.

Я хлопнул сменщика по плечу и направился в только что покинутую им каморку – наш кабинет, который мы делили на троих. Третьим был Павел Ильич, «ангехранец» последнего, пятого уровня. Он заступал на выходные и дежурил двое суток подряд, пока мы с Сеней зализывали раны в менталитете, которыми работа охотно нас награждала.

Я уселся в кресло перед монитором, и Галка, бесшумно ступая, осторожно поставила передо мной дымящуюся чашку с кофе. Сейчас мне предстояло, как говорили в «Ангехране», «вжиться» в обстановку – процесс непростой и иногда мучительный даже для сотрудника третьего уровня. Занимает-то он всего ничего, минут десять, от силы пятнадцать, но в эти минуты «ангехранца» лучше не трогать. Чревато нервными срывами и пробоями в ауре.

Реакция сотрудника, выведенного из вживания посторонним вмешательством, могла оказаться непредсказуемой.

Через четверть часа я откинулся в кресле и потянулся за кофейной чашечкой. Я вжился. Восемьсот девятнадцать моих клиентов. Семьдесят шесть за пределами района, и, значит, их ведут коллеги. И еще восемьдесят четыре чужака – из других районов, забредших в мой в поисках неприятностей.

Сейчас мне не надо было напрягать память – я помнил всех. Бандиты, хулиганы, проститутки, алкоголики, наркоманы – винтики в системе, с которой я теперь составлял единое целое. Мои подопечные. Клиенты. Акулы в аквариуме. Россыпь трехцветного конфетти. Того, в котором цвет угрозы и крови – красный.

* * *

Гнилой бросил пачку стодолларовых купюр поверх лежащих на столе.

– Здесь двадцать кусков, Ершик, – сказал он. – Можешь не проверять.

– 3-замерил, – запинаясь, сказал Ерш. – С меня д-двадцать. Вскрываю.

Одну за другой он перевернул карты рубашками вниз. Туз треф лег на даму и десятку той же масти.

– Пупка, – назвал комбинацию Ерш. – Тридцать одно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.